

Два парня

Жили-были два парня. По-рбзну два царня живут. Один-от парень и пошел другу-то в гости. Пришел: он ниту, одна баба сидит. Пришел, сидит. Баба-то еду намесила в котле: мясо. Сварила мясо. В угол поставила. Сидит мужик. Вдруг парень прияхал, друг его. Прияхал. Еду поставила мужу. Тут недалеко от них крестьянин живет. Парень-от (хозяин) говорит другу-то: «Ешь!», — говорит. Он не ест, молчит. Говорит: «Ешь!», — говорит. Он говорит: «Чаго ести стану? Под постелями люди лежат, да не едят!». Он стал постели тряхать все: «Где, говорит, какие люди лежат?». Бабину постелю тряхнул: тут крестьянский парень лежит. Стали драться. Дрались-да, дрались-да, мужик-от и говорит: «Друг, говорит, прощай, и белый свет, прощай!». У мужика (хозяина) пена изо рту пошла. Этот мужик-от соскочил, оловом облитый батас (меч якутских сказок) большой выдернул у парня с боку, уткнул супроти сердца. Этот парень-от печалиться стал. «Этого крестьянского парня убили, теперь нам крестьянин чаго доспеет?». А сидит да говорит: «Утро вечера мудренее бывает».

Он и пошел к крестьянину. Ночью легли они спать. Пришел. В его лопоте оделся, пришел да: «Мама, говорит, меня пусти легчи!». Он, как их сын, измудрялся. Она говорит: «Поди вот, говорит, твоя постеля, ляг!». Он пошел сестре. Семь сестер у него. Первой пришел: «Сестра, пусти меня легчи!». — «Поди, говорит, твоя постеля вон, ляг!», — говорит. Другой пришел: «Сестра, меня пусти легчи!». — «Поди, говорит, твоя постеля вон, ляг!», — говорит. Третьей пришел: «Сестра, пусти меня легчи!». — «Поди, говорит, твоя постель вон, ляг!». Четвертой пришел: «Сестра, пусти меня легчи!». — «Поди, говорит, твоя постеля вон, ляг!». Пятой пришел: «Сестра, пусти меня легчи!». — «Поди, говорит, твоя постеля вон, ляг!». Шестой пришел: «Сестра, пусти меня легчи!». — «Поди, говорит, твоя постеля вон, ляг!». Седьмой пришел: «Сестра, пусти меня легчи!». — «Поди, говорит, твоя постеля вон, ляг!». Ушел. Пошел де крестьянского парня (принес) на сарай. Тут на сарае-то постувошные луки. У одного лука тетиву отрезал да пошел. Крестьянского парня супроти сердце ножик уткнул да повесил на сарай. Поутру встали. Тут его служанка, работница их, пошла трубу отворять, огонь топить. Трубу отворила да пришла: «Ой, говорит, на сарае чаго-то у нас, говорит, весится!». Выскокали, все выскокали: их парень весится! От них недалеко эга-баба живет. Говорят: «Кто по ее поедет? Человек, который

умрет, через три года оживляет (эта шаманка)?». Который убил парень-от: «Я, говорит, поеду». Поехал, привез эгу-бабу. Стала шаманить она. Этот парень все на двор выскакивает. Все бересточки коням-те привязывает, хвостам-те. Он вдруг выскочил да всем коням-то огонь высек, хвосты-те и запалил. Хвосты-те и загорелись: они и стали скакать. Люди-то все и выскокали на двор. Он и вскочил в юрту. Да у эги-те баби стоит кадь с водой: она шаманит да и пьет воду-те. Он эту эгу-то бабу поднял да в кадь-ту в воду-то головой поставил, ногами подверх.

Пошли в юрту. Совсем эга-баба эдак доспелась. У эгой-те бабы дети-те: волки, медведи, лисицы, сиводушки, песцы, какой зверь на белом свете есть — все ее дети. Он и повез бабу-то (к детям). Привез да им говорит: «Поведите мать домой!». Она мертвая. Они с коня-то и сдернули: она пала, чаю. «Ну, говорит, мать-то убили вот!». Все стали вб́ять. Медведи страшные живут. На его и стали нападать, говорят: «Ты нашу мать убил!». — «Нет, говорит, не плачьте, не плачьте. Я, говорит, вам что скажу: буде вы то доспеете — ваша мать оживет, буди не доспеете — не оживет!». — «Ну, говорят, чаго скажешь, все доспеем», — говорят. «Подите, говорит, по пролубе вырубите да хвостами сядьте, хвосте-те в воду запихайте да сядьте. В ту пору ваша мать оживет. Буди, говорит, не сядете, ваша мать не оживет!». Сяли. Хвосты-те замерзли, стали дергаться. Дергаются, дергаются, не могут. От каждого зверя, от росомах, от волка, от медведя, от оленя, от песцах, от лисицах по одному зверю оторвались да ушли. Других-те он убил да взял себе-ка.

Ушел домой. Пошел, коней-то взял. Уехал свой домой. Уяхал там бабе, другу своему прияхал. «Вот, говорит, ты печалился, говорил: „хрестьянин“. Хрестьянин чего доспеет?». И коней-те, росомахов-те, лисицех, медведёх, песцах, сиводушек, чернобурых другу-то разделился, инно сам взял. И живут они. Жили-были, поживали да теперя живут.

(Записано И. А. Худяковым в Верхоянском округе от уроженца с. Русское Устье)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.